

Меня разбудили звуки фортепиано.

Я мог разглядеть каждую шероховатость высокого деревянного потолка. На мгновение я забыл, где нахожусь. Я попытался сесть, но вместо этого чуть не свалился с дивана. Одежда валялась на полу. Возможно, я скинул его из-за духоты.

Гм-м? Бой подушками... когда мы закончили играть? Моя память была затуманена, так как я тогда валился с ног от усталости. Даже не помню, как добрался до зала, чтобы поспать.

Я наконец смог сесть прямо. Так как мой обзор простирался до другого конца зала, я смог увидеть чью-то спину с длинными чёрными волосами, сидящую перед фортепиано. Это Кагуразака-сэмпай. Она нажимала на клавиши своими тонкими пальцами так мягко, как могла, будто пыталась писать на поверхности воды. Её пение, накладывающееся на звуки фортепиано, звучало гораздо нежнее, чем обычно.

Я продолжал смотреть на её длинные волосы, качающиеся в такт, до тех пор, пока песня не закончилась.

— Доброе утро! Ты спал очень крепко. Настолько устал?

Закончив петь, сэмпай встала со стула и повернулась в мою сторону.

— Твое спящее лицо слишком милое. Я долго размышляла, разбудить тебя ударом или поцелуем. В итоге решила разбудить тебя пением.

Почему не было более нормальных вариантов?

— Сэмпай, ты и на фортепиано умеешь играть?

— Я? Ну, не совсем.

Сэмпай тихо закрыла крышку клавиатуры, прежде чем подойти и сесть на диване рядом со мной.

— Как тебе?

— Что «как»?

— Ты же слышал её!

— Новая песня?.. Та, которую ты упоминала вчера?

Сэмпай кивнула. Я положил ногу на диван, и проглотил слова, которые собирался сказать. Как мне лучше выразиться?

— Почему-то это кажется... слишком помпезно?

— Хм-м?

— Мелодия красивая, но она звучит как гимн какой-нибудь средней школы. Мы просто наскучим слушателям, если сыграем это на сцене.

Сэмпай от души рассмеялась.

— Ты подбираешь интересные аналогии, молодой человек... но я поняла, что ты имеешь в виду. Эта песня не пойдет, — сэмпай оперлась на спинку дивана и посмотрела вверх. — Как глупо с моей стороны думать о таких вещах сейчас. Я полагала... что эта композиция станет хитом, если на фортепиано будет играть товарищ Эбисава.

— Ну...

Наверно... я слишком много думаю об этом, но я считаю, что не стоит использовать фортепиано в этой песне.

— Эй, молодой человек. Я думаю, мне удалось набрать в группу лучших. Но из-за этого возникает слишком много неопределенностей, и мне постепенно становится все труднее находить собственную музыку. Какая ирония. Это так больно только из-за того, что я больше не одна; только потому, что есть люди рядом со мной, которые могут сделать то, что не могу я.

Что происходит? Почему она вдруг говорит об этом?

— Сэмпай, ты странно ведёшь себя со вчерашнего дня.

— Хм, разве? — обыденно засмеялась сэмпай, хотя, похоже, в этот раз немного натянуто. — Не беспокойся! Я очень рада, что могу быть с вами, ребята!

Затем сэмпай встала и объявила исключительно бодрым голосом:

— Молодой человек, я голодна. Товарищ Айхара скоро должна вернуться с пробежки, так что поторопись и приготовь завтрак! Я пойду разбужу товарища Эбисаву утренним поцелуем.

Только я собирался преградить сэмпай путь к лестнице, дверь на втором этаже открылась. Мафую вышла в пижаме, протирая заспанные глаза. Похоже, в этот раз катастрофы удалось избежать.

— Сегодня мы должны взять на пляж онигири! — заявила Чиаки, едва мы закончили с утренней практикой.

Да, да, да, я понял.

— Я знал, что ты скажешь это, поэтому я уже приготовил рис. Я также наполнил термосы чаем.

— Вау, Нао, впечатляюще. Ты телепат что ли? Как ты узнал, что я хочу пообедать на пляже?

— Ну это очевидно. Стоило просто посмотреть на тебя. Вы уже надули плавательные матрасы, так?

— Молодой человек, приготовь больше омлета. Твои блюда с яйцами — действительно нечто!

Сказав это, она начала доставать пляжные принадлежности из кладовки, в том числе раскладной стул. Эти девочки действительно помешаны на играх, хм... разве не вы утверждали, что одной песни недостаточно?

— Мы будем играть тогда, когда будем! Вдохновение не снизойдет на меня, если я закроюсь в комнате и буду плакать!

Пока я готовил рис на кухне, я услышал шаги двух людей поднимающихся по лестнице. Вскоре, я услышал, как они спустились.

— Нао, глянь! — раздался голос у меня за спиной.

Я вытянул голову посмотреть в зал, и перед мной предстали Чиаки и сэмпай в купальниках. А-а-а! Хотя вчера я видел половину купальника, воздействие от вида полного комплекта куда сильнее.

Купальник у Чиаки был с саронгом на поясе, из-за чего выглядел немного по-детски. Она держала в руках гигантский плавательный круг и надувную куклу касатки. И поскольку она стояла рядом с сэмпай, которая по фигуре напоминала фотомоделю, итог был предсказуем... эм, я о контрасте между ними (в множестве различных аспектов). Более того, от барабанной установки, гигантского усилителя Marshall и остального на заднем фоне вся сцена казалась сюрреалистичной.

— Эй, очнись! Ты что, ничего не чувствуешь по этому поводу?

— Ну... девочки, как насчет того, чтобы вы одели этот наряд на выступление?

— Сэмпай, что он сказал?

— М-м-м, мы подумаем об этом.

Не воспринимайте это серьезно!

Чиаки обратилась к Мафую, занятой настройкой гитары, сидя на диване: «Мафую, поторопись и переоденься». Мафую мотнула головой.

— Давайте лучше попрактикуемся.

После вчерашней согласованности Мафую превратилась в фанатку тренировок. Сегодня это продолжилось — она отказалась выпускать гитару сразу после завтрака. Казалось, что она как обычно в плохом настроении, но я думаю, это все из-за того, что она не могла тренироваться несмотря на то, что она очень этого хотела. Хотя в этом нет ничего страшного.

— Тем более, я не умею плавать.

— Но ты купила купальник!

Чиаки начала атаку против съезжившийся Мафую.

— Боже, Мафую никогда не объединяется с группой!

Казалось, Мафую была шокирована. Она переводила взгляд то на Чиаки, то на сэмпай, то на меня.

«Не надо говорить об этом так грубо», — промелькнула у меня мысль. Мафую резко вскочила.

— Понятно... Я переоденусь и вернусь.

Затем она поднялась по лестнице в комнату.

— Нао, ты тоже переоденься.

Чиаки пнула меня в спину.

— Э-э? Я тоже? — я не особо люблю плавать.

— Конечно! Зачем еще, по-твоему, мы приехали на пляж?

Сэмпай продолжила: «Ты всё равно парень, так что ты можешь просто присоединиться к нам хоть в семейках».

— Н-ни за что! Я понял, просто идите первыми. Я принесу онигири попозже.

Парням очень просто переодеться в плавки, и нам не надо морочиться с этими штуками для кожи.

Наверно поэтому Мафую ещё не вышла из комнаты, даже после того, как я закончил лепить онигири и оборачивать омлет в алюминиевую фольгу. Ей, наверно, требуется больше времени, чтобы переодеться из-за правой руки? На втором этаже переодевается девушка, пока я готовлю еду — каким-то образом вся эта ситуация кажется немного странной.

Мне показалось неловким ждать Мафую, пока та переоденется, так что я крикнул на второй этаж: «Я пойду вперед!» Затем я накинул рубашку и направился к берегу.

Мафую подошла чуть позже. Увидев её купальник фиолетового цвета под её накидкой, я наконец понял причину настойчивости Чиаки. Купальники были одного фасона. Они различались только цветом.

— Нао, сфотографируй нас!

Чиаки восторженно побежала к Мафую.

— Молодой человек, что мне делать? Я столкнулась с проблемой, — сказала мне томным голосом сэмпай, лёжа рядом со мной под зонтиком, после того, как посмотрела на Мафую и затем на Чиаки.

— Что не так?

— Они обе слишком хороши. Что за головная боль.

Какой ответ от меня ты ожидаешь?! Просто лежи смирно!

Мы расстелили наш коврик в небольшой зоне между камнями, и сели обедать. Из-за

ограниченного места я мог непринужденно разглядывать светлую кожу Мафую с очень близкого расстояния. А ещё тут была загорелая кожа Чиаки, а ещё сэмпай... эм... в любом случае, я единственный ел обед, разглядывая скалы. Однако, они не собирались так просто меня отпустить.

— Нао, я хочу чернослива, почисти его мне.

— Сама их почисти!

— Молодой человек, я пролила чай на купальник. Можешь помочь его вытереть?

— Сама вытри!

— Наоми, помоги мне обернуть водоросли.

— Обер...

Стоп Мафую не может сама этого сделать, так? Так как у неё только одна рабочая рука. Я сделал онигири так же, как и в магазинах — упаковал водоросли отдельно от риса. Надо было сразу обернуть их в водоросли — почему я не подумал об этом раньше?

— Нао, ты слишком балуешь Мафую! Ты должен давать ей делать такие вещи самой.

Разве ты тоже не просила меня всё сделать за тебя?

— В таком случае, я съем его!..

— Нельзя!

Чиаки и Мафую одновременно набросились на обёрнутый онигири в моих руках, из-за чего они навалились на меня, и я оказался под ними. Эй! Вы давите на меня всем весом, и это больно!!! Пока я изо всех сил пытался выбраться из под живота Чиаки, сэмпай забрала онигири и съела его.

— Мирное решение. Можно мне сесть сверху?

— Пожалуйста остановись. Вы меня задавите до смерти.

Я выполз из-под тел Чиаки и Мафую и незамедлительно отдалился от всех перевести дыхание.

Я не помнил, чтобы грудь у Чиаки была так хорошо развита; когда они... стоп, о чём, черт возьми, я думаю?! Успокойся. Глубокий вдох. Я взглянул на них, сидя на корточках, и увидел как Чиаки и Мафую уставились друг на друга. Еще раз вид их обоих в купальниках открылся моему взору, и долгое время я не решался вернуться на коврик.

Сразу после обеда на нас напала жара, так что Чиаки потащила Мафую на пляж. С недовольным выражением лица Мафую пыталась возразить: «Но я же сказала, что не умею плавать!»

— Я говорю тебе, всё в порядке! Просто держись за Торадзиро! — сказала Чиаки, громко хлопая по гигантской надувной касатке.

Так ты, значит, даже дала ей имя...

— Н-но... что если я свалюсь с неё?

— Мы с Нао будем рядом с тобой. Так ведь?

Э-э, мне тоже нужно в этом участвовать?

— У-у...

— Боже, вы опять пытаетесь разрушить единство группы?

Наконец, Мафую неохотно кивнула головой. Похоже, мы можем заставить её сделать что угодно, стоит упомянуть о единстве группы.

Чиаки уже стянула накидку с Мафую. Та уже крепко держалась за касатку Торадзиро, и испуганное выражение на её лице появилось в тот же момент, когда вода коснулась пальцев её ног.

Чиаки сказала раздраженно: «Ещё более опасно будет, если ты продолжишь так сгибать ноги. Ты свалишься!»

— Но я промокну...

— Мы на море, мы точно промокнем!

— А-а, с-стойте!

Чиаки уверенным движением толкнула Торадзиро в море.

— Нао тоже. Быстро.

Мафую закрыла глаза, крепко схватившись за куклу касатки. Она довольно долго дрожала, пока наконец не сдалась и опустила ноги. Море было глубоким, и вода была мне уже по плечи, несмотря на небольшое расстояние от пляжа. Так как я был в сандалиях, то иногда чувствовал острые края скал подо мной.

— Так холодно... — пробормотала Мафую.

— Но это приятное чувство, так? — сказала Чиаки с другой стороны касатки.

Мафую робко открыла глаза. Так как Чиаки безостановочно плыла вперед, мы уже оказались на значительном расстоянии от пляжа. С этого места мы могли видеть контуры волноломов, образованных кладкой бетонных блоков. Скопление кучево-дождевых облаков постепенно собиралась прямо над нами. Волны толкали нас обратно к берегу, но мы шли против течения и заплывали ещё дальше.

Перед нашими глазами расстился участок глубокого синего цвета, участок небесно-голубого цвета, и белого, изливавшегося из-за горизонта там, где они сливались. Казалось, что мои конечности растворились в прохладных водах моря; единственной вещью, доказывавшей моё существование было сердцебиение.

— Красота...

Сорвались эти слова с губ Мафую. С тех пор как мы зашли в воду, Мафую крепко держалась за мою правую руку. Я чувствовал, что дрожь в её руках утихает.

Я поднялся, чтобы сесть на левый плавник куклы касатки, и осмотрел поверхность моря.

Море, бесконечно тянувшееся вперед, было такого же цвета как и глаза Мафую.

Как бы я желал, чтобы сейчас время просто остановилось.

Если небеса навсегда останутся такими же чистыми как тогда, Мафую и я, вероятно, сможем уплыть куда угодно.

Однако, мои медленно текущие мысли вернул в реальность голос Чиаки.

— А теперь, нам надо научить Мафую не бояться воды.

— Э-э? Уа-а-а...

Надувную куклу сильно трянуло, и мне в уши прыснуло водой. Я быстро схватил Мафую за руку, чтобы поддержать её.

— П-перестань!

— Все хорошо, это просто морская вода!

Чиаки начала брызгаться водой на Мафую. По её голосу казалось, она здорово веселилась. Мафую продолжала вертеться, пытаясь избежать атаки Чиаки, из-за чего мне стоило огромных трудов удерживать равновесие касатки. Хотя в этот раз мы с Мафую были заодно.

Насладившись запугиванием Мафую, Чиаки сказала с другой стороны касатки:

— А не пора ли нам возвращаться?

— Я хочу вернуться как можно скорее, — голос Мафую звучал так, будто она сейчас расплачется.

— Мы с Нао поплывем первыми. Удачи с Торадзиро!

— Т-ты не можешь!

Поблуднев, Мафую схватилась за мою руку с такой силой, что её ногти впились в кожу.

Даже после того, как мы повеселились на пляже, солнце было ещё высоко в небе. Когда мы все закончили принимать душ, сэмпай бросила нам: «Немного передохните», — после чего заперлась в своей комнате. Я заметил, что она взяла с собой гитару. Неужели пытается придумать новую песню?

Так как запасы еды были на исходе, я решил пойти в магазин.

Когда я возвращался на виллу, неся в руках пластиковые пакеты, я услышал звуки фортепиано, доносящиеся изнутри.

Фортепиано?

Проходя сквозь лес, я смог оглядеть зал через балкон. За фортепиано сидел человек с длинными каштановыми волосами, которые медленно покачивалась в такт спокойному темпу.

Возможно, из-за того, что она услышала мои шаги, Мафую закрыла крышку клавиатуры и встала. Её слух был так же остр, как и всегда.

Что за песню она играла?..

Когда я открыл дверь и вошёл в зал, Мафую рьяно мотала головой, несмотря на то, что я еще ничего не успел спросить.

— Т-тебе показалось. Совершенно ничего не было.

Я осмотрел зал. Чиаки спала на диване, свернувшись калачиком. Думаю, она смертельно устала после утренней пробежки, практики и плавания. Увидев, в каком неудобном положении она спала — она почти упала головой на пол — я положил её назад на диван и укрыл её живот одеялом. Независимо от того, насколько лето теплое, нельзя спать с открытым животом.

— Сэмпай... всё ещё наверху? — спросил я у Мафую, пока засовывал покупки в холодильник.

— Я не слышала звуков гитары, так что возможно она спит.

Понятно, кажется, вздремнуть — это хорошая идея. А, нет, стойте — это возможно единственный шанс поговорить с Мафую наедине, так как Чиаки вчера прервала нас, ворвавшись в комнату.

Когда я вернулся из кухни в зал, Мафую уже вышла на балкон. Она наигрывала мелодию, которую не так давно исполняла на фортепиано, но уже на Stratocaster'е, хотя он не был подключен к усилителям. Я взял бас-гитару и тоже вышел через стеклянную дверь.

— Это песня сэмпай, так?

Мафую кивнула.

— В первый раз группа пишет песню о любви, хотя, наверно, у нас даже нет четкого представления о ней. Как мы должны написать такую песню?

— Я не знаю почему, но почему-то кажется, что все песни, написанные Кёко, совсем не подходят к её голосу.

Я посмотрел на лицо Мафую в удивлении.

— Что?.. — смутилась Мафую, склонив голову.

С каких пор она начала... звать сэмпай только по имени? И это значит...нет, я думаю не в этом дело.

— Ты сказала, что они не подходят... Что это значит?

— Я думаю...

Сказала Мафую, устремив взгляд в направлении второго этажа.

— Каждый раз, сочиняя песни, Кёко, наверное, писала их для вокалиста-мужчины.

— Это...

Услышав, что сказала Мафую, я подумал, что это может быть правдой. Сэмпай намеренно занижает свой вокальный диапазон каждый раз, когда поёт — но я не особо обращал на это внимание, хотя она пела так всё это время.

— Ну и... это становится слишком заметно, если песня медленная.

— Ох... — я задерживал взгляд на лице Мафую на продолжительное время. Если задуматься об этом глубже, эта девушка росла в мире музыки с рождения — поэтому она так быстро замечает такие незначительные детали?

Однако, Мафую не стала продолжать разговор на эту тему. Теперь настала моя очередь. Чтобы предотвратить уничтожение этой спокойной песни, я должен поддержать голос сэмпай. Но как мне это сделать?

Я не мог ничего придумать, несмотря на то, что я держал в руках бас-гитару довольно долгое время. Я неожиданно попал в иллюзию, где пыль падала мне на плечи, из-за чего я не мог двигаться.

— Но я думаю, если добавить фортепиано, станет ещё хуже.

Я неуверенно поднял голову, когда Мафую сказала это.

— Ты слышала... песню утром?

— Это ты играл?

— Нет, сэмпай.

— Понятно.

Мафую положила неподвижную руку на стол. Хотя её чувства всегда легко читались всякий раз, когда она злилась или была готова расплакаться, я не мог ничего понять по её выражению лица сейчас.

— Мафую, разве ты... не испытываешь отвращение?

Попробовал я спросить её снова. Мафую повернулась ко мне.

— Отвращение к чему?

— Фортепиано. Ты же играла на нем только что, так?

— Я уже решила больше не думать об этом.

Значит она думала об этом до недавнего времени. Я имею в виду, она даже не выбрала музыку в качестве факультатива.

— Более того, доказательства моей игры на фортепиано существуют по всему миру. Мне нет смысла затыкать уши и игнорировать это.

— Довольно уникальный взгляд на ситуацию...

— Потому что папа точно будет слушать мои альбомы, когда он дома. Я не смогу вытерпеть, если и дальше буду заикливаться на этом.

Эбичири... это уже слишком! Вот почему твоя дочь ненавидит тебя!

— Если так, тогда... — я осторожно выбирал слова. — Если твои пальцы опять смогут двигаться...

На середине фразы я выдержал паузу, чтобы взглянуть на выражение лица Мафую. Она не сердится. Наверное.

— ...Будешь ли ты играть снова?

— Это папа попросил тебя спросить?

— К-ха! — я случайно издал странный звук.

Черт, меня спалили!

— Папа сказал, что был у тебя дома, и он сказал, что ты гораздо более порядочный, чем он думал.

Так это Эбичири сказал ей это! Но тогда... в этом нет ничего неправильного. Я имею в виду, он должен был сказать ей, почему вдруг разрешил ей поехать с нами. Эм, что делать? Нет смысла скрывать это при нынешнем развитии событий, так?

— Угу, что-то вроде этого. Но это не единственная причина...

Я тоже хочу еще раз услышать, как Мафую играет на фортепиано. Я уже говорил это раньше, но она не ответила. Что же мне сказать дальше?

— Ты хочешь еще раз услышать, как я играю на фортепиано?

Мафую таки взяла инициативу и задала этот вопрос, который сильно удивил меня. На мгновение я был настолько ошеломлен, что потерял дар речи, и молча кивнул.

— Но... Ты уже прослушал все мои альбомы, так?

— Дело не в этом, ведь так? Нет записей произведения, которые мне нравятся.

— Например?

— Соната «Les Adieux» Бетховена *. Ты сказала в интервью, что тебе нравится эта композиция, так? Я тоже хочу услышать полную версию с хорошим звуком! Качество на кассете, которую ты прислала мне раньше, было просто ужасное. Еще «Waldstein» *- даже хотя я не сильно люблю его, ощущение, будто чего-то не хватает, если это не записано в альбоме. Касаемо «Appassionata» *, её ты тоже должна сыграть должным образом! Феликс Мендельсон... ты по меньшей мере должна записать всю его серию «Песен без слов». И помимо всего этого, я надеюсь, что ты сможешь сделать запись, используя фортепьянную технику фуги... Эм-м, стоп... не в этом дело!

Сам того не замечая, я болтал и болтал о своих чувствах, и надо мной даже посмеялась Мафую. Боже, если ты не прекратишь, я не смогу продолжить. Я удрученно закрыл рот, и опустил взгляд на бас-гитару.

— Но я в группе не для того, чтобы играть на фортепиано, так? Потому что я гитаристка, — пробормотала Мафую.

— Э-э? А, нет...

— Так что давай не будем говорить об этом пока что. Потому что я и сама не уверена.

Почему-то казалось, что Мафую что-то не так поняла. Напиши мы в будущем песню, в которой потребуется фортепиано, и если пальцы Мафую полностью исцеляться к тому времени, разве это не естественно для меня хотеть, чтобы Мафую сыграла на фортепиано? Стоп, нельзя ставить этот вопрос так...

Проблема не в том, гитаристка она или пианистка..

Я попробовал спросить её еще раз.

— Ну... ты решила свою проблему по поводу группы?

— Э-э?

— Ты должна была понять... причину быть в группе, не так ли?

Это было обещание между Мафую и мной. Однако она помотала головой.

— Ты еще не поняла? Мы были так...

— Это ты!.. — Мафую неожиданно перебила меня. — Это потому что ты не понимаешь!

Я остолбенел.

— Ты сказала... что я не понимаю?

— Ты не понимаешь меня.

Мафую смотрела на меня со слезами на глазах. Конечно, я никогда не понимал её так хорошо, даже сейчас.

— Но... это не имеет ничего общего с тем что мы сейчас обсуждаем, так?

Мафую неожиданно повернулась лицом к лесу. Так что, я мог только частично задать этот вопрос — половину слов я проглотил.

— Тогда почему ты присоединился к группе?

— Почему, спрашиваешь? Потому что Чиаки и сэмпай пригласили меня присоединиться.

— Я не об этом.

Если ты не об этом спрашивала, какая ещё причина у меня могла быть, чтобы присоединиться к группе? Играть на бас-гитаре? Чтобы гнать кровь по рукам и ногам? Разве этим всё и ограничивается? Почему это должна быть Мафую? Почему это должен быть я? Должна быть более глубокая причина для этого...

Да. Я здесь не просто для игры на музыкальных инструментах. Если и есть причина, по которой я оказался в группе, несмотря на огромную разницу в мастерстве, по сравнению с другими членами группы, тогда это потому, что я замечал нечто, что сэмпай упускала из виду. То, что она не поймет, не прочувствовав сердцем — звуки, которые она не сможет представить, если она не держит бас-гитару в руке.

— А!..

Именно в этот момент в моей голове родилась песня.

Я почти слышал итоговый результат, создаваемый сплетением нашей музыки и голоса сэмпай. Я снова взял бас-гитару. И поэтому мои слова так и остались невысказанными.

Тогда, я планировал сказать Мафую что-то важное — что-то очень важное. Я должен был сказать это тогда. Если бы я сказал, мы бы возможно не избегали друг друга.

Однако в тот момент музыка уже поглотила меня. Я пытался воспроизвести звуки в голове, ударяя пальцами по струнам. Смогу ли я материализовать это? Я не узнаю, если не попробую. У нас было записывающее устройство, но сэмпай и Чиаки спали. К тому же, будет очень стыдно если у меня ничего не получится, так что я бы предпочел уединиться.

— Что случилось?

Неожиданно спросила Мафую. Она наверное подумала, что для меня странно — засуетиться ни с того ни с сего.

— М-м-м... Я хочу попробовать кое-что. Надеюсь, у меня получится сделать пару записей самостоятельно, но не хотелось бы тревожить тех двоих.

Мафую посмотрела на меня влажными глазами. Тогда я точно должен был заметить в её глазах легкое чувство вины и доверия ко мне. Мафую встала со стула и открыла стеклянную дверь. Я услышал, как она поднялась по лестнице вверх и снова спустилась. Не успел я и глазом моргнуть, как она вернулась на балкон.

— Используй это.

Мафую взяла диктофон, упакованный в черный потрепанный чехол из искусственной кожи. То самое сокровище, которое оставила Мафую её мать, и которое я помог ей починить.

— Неужели мне можно его одолжить у тебя?

— Качество звука, возможно, не идеальное, но у него довольно широкий диапазон.

Так как это пробная запись, этого должно быть более чем достаточно. Магнитофон всё ещё работает. Похоже, Мафую аккуратно с ним обращалась — это сделало меня немного счастливее.

Я положил бас-гитару обратно в кейс. Затем я засунул мини-усилитель и диктофон в карман кейса, и перебрался через подоконник балкона.

— Куда ты идешь? — казалось, что Мафую сейчас расплачется.

— Э-э? Эм... туда где я никого не побеспокою, даже если буду петь.

— Т-тогда я тоже...

Эм, тебе нельзя. Что будет, если попытка провалится? Мне будет очень стыдно!

— Так как они обе спят, тебе стоит остаться тут.

Было видно, что Мафую расстроилась, но у меня не было ни малейшего понятия почему. Я вышел за пределы виллы, прошел мимо стрекочущих цикад и направился в сторону пляжа.

Я вернулся на виллу, когда солнце уже садилось. Только я потянулся к ручке, дверь распахнулась. Чиаки высунула голову из двери с выражением лица, будто она на меня сейчас набросится, и сказала:

— Нао ты вернулся? Боже, где ты был? Я хочу есть!

Чиаки энергично затащила меня в виллу. Я заметил Мафую, устало сидевшую на диване в обнимку со своей гитарой.

— Сэмпай всё ещё прячется в своей комнате?

— Угу, значит нам оставалось попрактиковаться только вдвоем. Эй Мафую, поехали!

Чиаки снова села за барабанную установку и ловко крутанула барабанными палочками. Мафую, кажется, смертельно устала от игры — пошатываясь, она попробовала встать, но вместо этого плюхнулась обратно на диван. Отдохни, если ты настолько устала.

Однако только я зашел на кухню приготовить тушеных овощей, Чиаки начала в одиночку играть на барабанах. Это был хай-хэт, играющий шестнадцатые доли, которые звучали точно, как жужжание moskitov. Я уже знал, что эта песня, услышав только эту короткую секцию. Мафую тоже должна была узнать её в мгновение ока, так? Сразу после ударов барабанов было гитарное соло, которое звучало как будто кто-то бежал босыми ногами вниз по склону с острыми выступами.

Это He Man Woman Hater. Холодок пробежал по моей спине, от чего вся кожа покрылась мурашками.

Это было чудом — всё, что было необходимо Чиаки, чтобы передать свои мысли Мафую — сыграть четыре такта. Эта сила основ джем-сейшн * в этой группе.

Мелодии в выступлении Мафую и Чиаки сменялись как калейдоскоп. Неожиданно показалось, будто они что-то добавили в увертюру из «Свадьбы Фигаро». И по мере достижения пика мелодии, Чиаки начала играть Paradise City группы Guns N 'Roses.

Я нежно коснулся диктофона Мафую, который я поставил на холодильник.

С Мафую уже всё хорошо. Это я должен волноваться о причине, почему я нахожусь в группе, а не она. Я наверное не смогу много сделать во время выступления, так? В этом случае, остается сделать то, на что способен.

Я записал её несколько раз, а также прослушал много раз. Хотя я не знаю, будет ли она пользоваться успехом. Я не очень уверен в себе.

После ужина Чиаки сказала, что хочет запустить фейерверки. Она даже взяла ракеты, запускаемые с земли — эта девочка очень дотошная только в случаях, когда дело касается таких вещей.

— Не держи эти фейерверки в руках.

Чиаки незамедлительно возразила на мою фразу:

— Но так более интересно!

— Ты устроила небольшой пожар, играясь с ними подобным образом, когда мы были в начальной школе!

Эта вилла принадлежит не нам — что мы будем делать, если что-нибудь случится?

Мафую чуть ли не плакала от испуга из-за этих вращающихся петард. Чиаки собрала бенгальские огни в невероятно большой пучок. Когда мы закончили баловаться с огнем, была уже поздняя ночь.

И снова я должен был идти в душ последним. После того, как я закончил со стиркой, ещё надо было вернуться, чтобы убрать мусор после запуска фейерверков. Сильный запах пороха витал в воздухе напротив балкона. Он появляется только в летние ночи, но мне порой нравится этот запах.

В итоге, у меня не было возможности отдать сэмпай запись, которую я сделал, и магнитофон всё время был в моем кармане. Черт, это все вина Чиаки!

В тот момент, когда я просматривал, не осталось ли в кустах остатков фейерверка, я неожиданно услышал звук открываемой стеклянной двери.

— Я очень извиняюсь за то, что заставила тебя всё делать, молодой человек.

Похоже сэмпай только что закончила принимать душ. Она была одета в майку и шорты. Вытирая волосы полотенцем, она села на балконную ограду.

— Ванная освободилась?

— Ещё нет. Товарищ Эбисава всё ещё там. Она наверное придёт сказать тебе, когда закончит купаться.

Разбрызгав воду по территории, я вернулся на балкон с ведром в руке и сел на стул на небольшом расстоянии от сэмпай. Да что с её волосами прилипшими к открытой груди?! У меня не хватало смелости посмотреть на неё. Однако сэмпай перехватила инициативу и приблизилась ко мне. Я вдруг занервничал, когда она села рядом со мной.

— Почему-то кажется, что молодой человек присматривает за нами во время летних сборов.

Сэмпай положила полотенце на плечи и лениво улыбнулась. Это не походило на её обычную речь, и поэтому я не знал, как ответить.

— Не принимай близко к сердцу. Я уже привыкла ко всему этому.

А, точно. Я не могу так просто пойти спать. Я слегка приподнялся и вытащил диктофон из кармана.

— Ну... Я попытался кое-что записать, когда ходил прогуляться.

— Хм-м?

— Песня, которую ты сочинила. Хотя там только мой вокал и бас-гитара.

Сэмпей уставилась на меня будто на какой-то сияющий объект, прежде чем нажать на воспроизведение на диктофоне. Я мог слышать звуки вращающейся кассеты с ритмичным фоновым шумом. А затем...

Звук волн. На них ложились мягкие и элегантные аккорды бас-гитары.

Простой гармонический ряд исполнялся в рваном ритме.

Затем послышался мой заикающийся и дрожащий голос.

— Я не очень хорошо пою, так что я возможно не смог передать чувства в ней. Этот вступление из песни «Green-Tinted Sixties Mind» Mr. Big. Песня будет испорчена, если акустика будет слишком тяжелой, поэтому аккорды я решил сыграть на бас-гитаре.

Сэмпей слегка прижала палец к моим губам, из-за чего я проглотил слова, которые собирался сказать. Она держала диктофон в другой руке, словно одновременно пытаюсь слушать моё пение через её чувство прикосновения.

Когда главный припев закончился, сэмпей неожиданно встала и потянула меня за стеклянную дверь. Я не мог удержаться и прикрыл лицо руками. Как и ожидалось, я слишком сильно вмешиваюсь... Даже такой невероятная личность, как сэмпей, ломала мозги, пытаюсь придумать аранжировку для песни, но без успеха. Как может кто-то вроде меня придумать...

— Молодой человек, сможешь перемотать мне кассету?

Я ответил, издав неопределенный звук. Когда я поднял голову, сэмпей уже стояла передо мной со своей электрогитарой Les Paul в руках.

— Э-э?

— Я хочу прослушать её с самого начала.

Я находился в ступоре некоторое время, и просто смотрел в глаза сэмпей, горевшие страстью. Затем я быстро нажал кнопку перемотки, и перемотал ленту в самое начало, прежде чем снова нажать воспроизведение.

Сэмпай добавила пару простых фраз между моим пением и бас-гитарой. Называть это арпеджио немного неправильно, это больше походило на шёпот, издаваемый песком, когда его омывают волны. Гитара сэмпай гармонично заполнила пропуски в песне, четко выровняв линию мелодии.

Когда закончилась песня, мы надолго замолчали. Я слышал только звук вращающийся пленки — он тоже прервался щелчком кнопки, когда кассета достигла конца. После того диктофон затих, остались только звуки волн и насекомых, как и редкие звуки проезжавших в дали машин.

— Ты должен петь эту песню.

Тихо сказала Сэмпай.

— Э-э? Но...

— Так вот какая природа у этой песни эх... но почему я сразу не поняла этого? Хотя сама же её написала.

Сэмпай прислонила гитару к столу. Потерев глаза пальцами, она посмотрела на меня. Возможно из-за освещения, но казалось, что её глаза были немного влажными.

— Эм... Сэмпай? Ты сердишься из-за того, что я переиграл песню и понизил её тональность?..

— О чём ты говоришь? Я не сержусь! А-а, боже, можешь не говорить со мной голосом, которым пел? Просто помолчи немного, или я не смогу сдерживать своё желание крепко тебя обнять!

Я тут же притих. Я почувствовал, что моё горло мгновенно загорелось.

— В любом случае, эта песня принадлежит тебе. Ты будешь петь её на выступлении. Договорились?

Сэмпай не сводила взгляда с меня. Я мог только слегка кивнуть головой.

Я несильно вздохнул. Сэмпай наконец перевела взгляд от меня, тем самым возвращая мне свободу.

— Почему я не заметила этого раньше? Нет, если мы будем использовать мой голос — то не покатит. Нет, стоп, возможно я уже давно это заметила?..

Я неожиданно вспомнил что сказала Мафую...

Это... означает... Это действительно так?

— Мафую, она...

— Хм-м? — сэмпай повернулась ко мне лицом. Её глаза были немного красные.

Спросить или нет? Неожиданно пронеслась мысль в моей голове. Однако, по непонятной причине, я не смог удержаться и сказал:

— Мафую говорила о чём-то подобном раньше. «Все песни, которые сочиняет сэмпай, должны петься мужским голосом». Это так?

С этими словами, я поднял голову посмотреть на сэмпай. В этот раз на её лице появилась очевидная мрачность, точно тёмные небеса перед надвигающимся ливнем. Затем сэмпай слегка улыбнулась, заставляя это мрачное выражение исчезнуть с её лица, и пробормотала:

— Она действительно проницательная девушка.

Сэмпай слабо улыбнулась и подняла голову посмотреть в море звезд рассыпанных в ночном небе.

— В третьей группе был один человек. Я думала, он был моим Полом Маккартни, но... я ошиблась.

Я забыл, когда именно, но сэмпай уже говорила что-то подобное ранее: у Джона Леннона был Пол Маккартни — кто-то, кого он мог называть его второй половиной. Так же сэмпай ищет своего Пола.

Раньше вместе с ней играл парень. Это означает, что даже сейчас, все песни, написанные сэмпай, до сих пор привязаны к его голосу?

— В любом случае, этого человека больше нет рядом. Со временем, все покидают меня, — тихо прошептала сэмпай, обхватив свои открытые плечи.

Я задрожал от странного холода, который вдруг почувствовал. Со стороны лицо сэмпай, казалось, затянули темные тучи.

Все уходят. Группы, в которых раньше была сэмпай, тоже все исчезли. Сэмпай привыкла говорить об этом в полушутливой манере, с беззаботным выражением на лице, будто её это совершенно не заботило.

Но если бы её это действительно не заботило...

У неё бы не было такого выражения на лице, как сейчас, так?

— Всё будет хорошо.

Услышав, что я сказал это, сэмпай медленно повернулась лицом ко мне. Её глаза напоминали расплавленное стекло.

— В этот раз все будет хорошо. Мы не исчезнем. Я имею в виду: эту группу ты создала сама!

— Это правда, но... всё идет слишком хорошо, и из-за этого я боюсь. Мысль о том, что меня покинут коллеги один за другим — мысль о том, что я снова останусь в одиночестве. Каждый раз, когда я думаю об этом, становится тяжело на сердце. Все будет хорошо, если я не буду об этом думать, но я очень хорошо знаю, что люди могут легко, очень легко просто исчезнуть однажды и не вернуться. Это происходило снова и снова, так что...

— Сэм...пай?..

Кагуразака-сэмпай тихо положила свои руки на молчавший диктофон на столе. Её руки слегка дрожали.

— Так что я решила продолжать двигаться вперед. Будь то сборы или живое выступление — я буду решать всё сама. Я должна быть на шаг впереди во всем... чтобы однажды не проснуться от этого замечательного сна.

Я больше ничего не мог сказать.

Люди иногда неожиданно исчезают — это знал даже я. Один из моих близких однажды также исчез, когда мне было только шесть, покинув меня и мужчину, который зовет себя моим отцом. Человека, разделяющего со мной то же самое беспокойство.

Но я всё равно больше не мог придумать, что сказать сэмпай. Если её подавляющая уверенность, тянущая нас вперед, не больше, чем фарс, тогда настоящий источник силы, благодаря которой всё осуществлялось, нечто невероятно депрессивное.

— Как странно... — улыбка, появившаяся на лице сэмпай была как темнеющее небо, которое предупреждает о приближении заката. — Я всё-таки сказала это вслух. Возможно потому, что я не беспокоюсь. Возможно, в этот раз всё действительно будет хорошо.

— Всё будет хорошо...

Я мог только повторить эту реплику.

— М-м-м, всё правильно. Мне кажется, я уже нашла Пола Маккартни который принадлежит только мне.

Человек, близкий по духу с сэмпай...

— Ты имеешь ввиду... Мафую?

Сэмпай пристально посмотрела на мой рот. На мгновение странное выражение появилось на её лице — полусмеющееся-полуплачущее.

И оно сменилось на удивленное вскоре после этого.

— Товарищ Айхара всегда говорила, что ты тормоз...

Чёрт, она таки говорит об этом за моей спиной... Эм, стойте, разве... я только что сказал что-то невероятно глупое?

— Тебя и правда трудно понять! Я вот думаю — пронцательный ты или заторможенный? Ты же не делаешь вид, что ничего не понял, так?

— Эм, прости, ты подразумеваешь...

— Пол Маккартни бас-гитарист, так?

— А-а...

Слова сэмпай продолжали эхом отдавать в моей голове. Пару мгновений я не мог понять значение этих слов. Только после того, как я почувствовал тепло от рук сэмпай, я наконец понял.

— Эм-м, ну... Н-но...

— Но... что?

Сэмпай подвинула лицо поближе. Её улыбка возвращалась к обычной — самоуверенной. Что насчет меня, я выглядел невероятно смущенным — как будто из меня были высосаны все силы.

— Н-но я плохо играю на бас-гитаре...

— М-м-м, я это знаю. Тебе придется практиковаться усерднее, чтобы стать моей опорой.

— Я не могу сочинять так же хорошо, как ты...

— Уж кто бы говорил — украл мою мелодию и превратил во что-то своё.

— М-м-м... Н-но...

Почему я оказался в таком положении? Я всё больше и больше запутывался.

— Но я должен быть секретарем или кем-то подобным, так? Я могу похвастаться, если захочу, но всё, чему я действительно способствовал это присоединению Мафую к группе. После этого...

— Разве я не говорила этого ранее? Ты привлек моё внимание с самого начала.

Да, ты говорила это...

Сэмпай ещё сильнее схватилась за мои сильно сжатые кулаки.

— Я нашла тебя из сотен статей, написанных твоим отцом, ты знал? Если ты не особенный, тогда остальные встречи в этом мире не более чем небольшие случайности.

Сэмпай продолжала говорить, краем глаза поглядывая на меня. Моё сердце билось всё быстрее и быстрее.

— Это был всего лишь повод, когда я попросила тебя пригласить Мафую в группу. На самом деле, у меня были пути решения этого даже в одиночку. Однако, я хотела позволить сделать это тебе. Ты понимаешь, что я говорю, так?

Конечно. То есть, она использовала меня не для того, чтобы пригласить Мафую в кружок изучения народной музыки, а наоборот?.. Нет, стойте но... она это серьезно? Её лицо было так близко, что почти касалось кончика моего носа, и её выражение лица опять вернулось к интригану, постоянно играющему мной в своих руках. Возможно, слезы, увиденные мной ранее, были просто игрой!

С хаосом в голове, я больше не мог отвести взгляда от губ сэмпай.

— Ты... серьезно?

Я наконец-то выдавил из себя эти слова.

— Я серьёзна все время, — томно простонала сэмпай.

Тогда же я услышал звук удара позади сэмпай.

Я быстро отодвинулся от сэмпай и чуть не свалился со стула. Затем я встал, опершись на стол. Всё из-за того, что я увидел белый силуэт кого-то стоящего за стеклянной дверью. Этот человек прекратил попытки закрыть приоткрытую дверь. С волосами, развевающимися рядом с телом, она собиралась вернуться обратно в зал.

Это была Мафую.

Я отодвинул стул, быстро прошёл по балкону и протиснулся в щель приоткрытой стеклянной двери. Почему я так сильно беспокоился? Я не имел ни малейшего понятия.

— Мафую?

Когда я прокричал это, человек в пижаме, шедший спиной ко мне, перестал подниматься по спиральной лестнице.

— Ванная свободна. Иди в душ.

Её голос звучал очень сухо. Она даже не удостоила меня взглядом. Почему? Она услышала разговор между мной и сэмпай? Как много она услышала?

— Эм... Мафую...

Мой язык заплетался. Ничего, что я её останавливаю? Я не знаю. Всё, что я знал — это что мне прямо в лицо дул пробирающий до костей воздух. Она сердится? Почему она сердится?

— Так я просто предлог.

— Э-э?

— Забудь.

Мафую побежала вверх по лестнице, влетела в свою комнату, и хлопнула дверью. Эхо раздавалось в зале под потолком.

Мне оставалось только стоять рядом с барабанной установкой и отрешенно уставиться на молчаливую дверь, поглотившую Мафую.

Соседняя дверь немного приоткрылась, из нее высунулось сонное лицо Чиаки.

— Что такое? Что-то случилось?

Я покачал головой. Не смея смотреть в глаза Чиаки, я сосредоточил взгляд на двери в комнату Мафую.

Звук шагов, как и скрежет закрываемой двери раздались позади меня. Однако я оставался приросшим к месту там, где и стоял, а голова напрочь отказывалась поворачиваться назад.

↑ Соната для фортепиано № 26 ми-бемоль мажор, оп. 81а, «Прощальная»

↑ Соната до мажор №21. Оп.53, «Вальдштейновская», ее также называют «Авророй»

↑ Соната №23 фа-минор, Оп.57, итал. Appassionato — воодушевленно, страстно, живо

↑ jam session - совместная игра без предварительной репетиции

<http://tl.rulate.ru/book/23394/598592>